К 44 — 4/92

ВОЙНА
ВЪ
ВОЗДУХѢ.

Дневникъ
французскаго офицера — летчика.

КИИ 4/92
735
49196 XV-№46

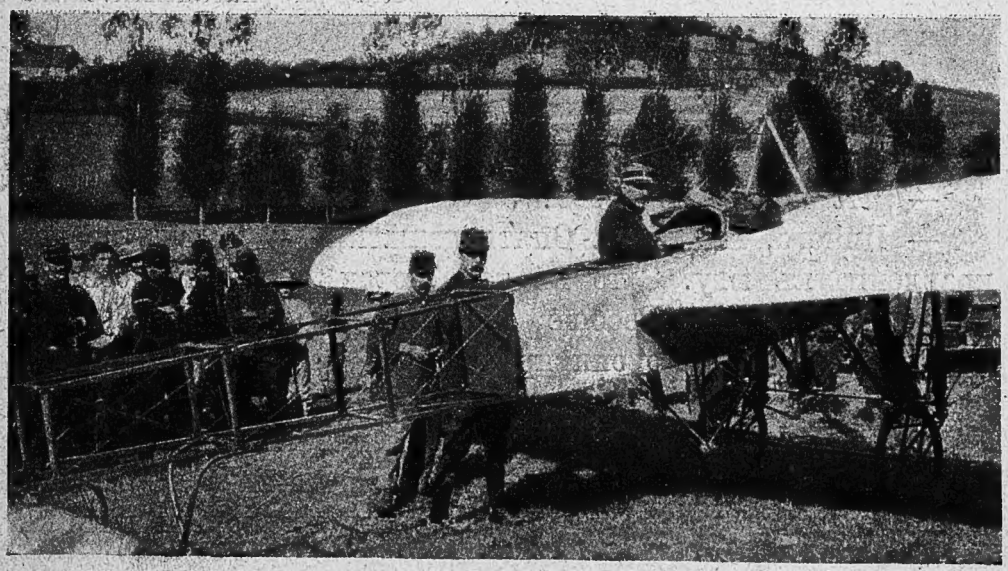
Война въ воздухѣ.

Дневникъ
французскаго офицера-летчика.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

БИБЛИОТЕКА Г. И. М.
№ 631
10 – I 1931 г.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА. — 1914.



I. НАПАДЕНІЕ НѢМЦЕВЪ.

Туль[1]. *3 августа 19... 2 часа.* Уже недѣля, какъ ждемъ этого со дня на день... Нашъ лѣтный отрядъ давно мобилизованъ... газеты полны тревожныхъ извѣстій: Россія и Англія готовятся къ войнѣ, въ Бельгіи и въ Швейцаріи объявлена мобилизація. У насъ запасные послѣднихъ сроковъ призваны подъ знамена и стянуты къ западной границѣ подъ предлогомъ маневровъ. У насъ въ Тулѣ и въ фортахъ идетъ лихорадочная работа... Если завтра будетъ объявлена война, я надѣюсь, что нашъ отрядъ не ударитъ лицомъ въ грязь. Впрочемъ, это выраженіе не имѣетъ

---

1) Сильная французская крѣпость на границѣ Эльзаса.

смысла для авіатора: можно упасть, хотя бы въ грязь, и честно исполнить свой долгъ до конца.

Черезъ полчаса. Аэропланъ Н. Е. 35 только что приземлился, вернувшись съ развѣдки на югѣ. Нашъ отрядъ ежедневно дѣлаетъ четыре развѣдки, обслѣдуя указанный намъ секторъ.

Нашъ начальникъ, капитанъ Бошри, старый африканскій солдатъ, разспрашиваетъ развѣдчика, еще не успѣвшаго соскочить съ своего биплана.

— Что новаго, Буассье?

— Ничего, капитанъ. Опять движеніе въ лѣсахъ по направленію къ югу. Зато въ той сторонѣ не появилось ни одного цеппелина. Вообще ихъ не видно уже дня два. Можно подумать, что они прячутся.

— Больше ничего интереснаго, Буассье?

— Ничего. Впрочемъ, погодите: я видѣлъ нашъ драгунскій полкъ, отходившій отъ Понъ-а-Муссона[1]) къ Нанси. Вѣроятно, они боятся, какъ бы нѣмцы не застали ихъ въ постеляхъ.

— Больше ничего?

— Ничего, капитанъ. Аппаратъ въ порядкѣ. Хотя летѣть было нелегко: наверху сильный, порывистый вѣтеръ. Все-таки я держался на боевой высотѣ — 1500 метровъ.

— Хорошо. Уберите свой аппаратъ, а я сейчасъ передамъ вашъ рапортъ командующему крѣпости.

На лужайкѣ передъ ангарами стоятъ рядомъ шесть боевыхъ бипланов нашего отряда. Уже недѣля, какъ аппараты приготовлены къ боевой работѣ: всѣ части тщательно вывѣрены, рабочіе моторы замѣнены новыми, «мобилизаціонными». Въ ангарахъ стоятъ въ полной готовности наши вспомогательные автомобили, груженые запасными частями, запасами бензина и масла на 12 часовъ работы для каждаго аэроплана, запасами взрывчатыхъ веществъ и, наконецъ,

---

1) Понъ-а-Муссонъ—французская деревня въ 4 кил. отъ эльзасской границы и въ 16 кил. отъ Меца.

прожекторами и дневными сигналами для обозначенія мѣста спуска.

Я съ наслажденіемъ осматривалъ мой бипланъ Н. Е. 307. Съ его окрашеннымъ въ боевой сѣрый цвѣтъ верхнимъ планомъ, съ блиндированной гондолой, изъ которой выступаютъ дуло пулемета и трубка миннаго снаряда, мой аэропланъ производитъ опредѣленное впечатлѣніе мощи, еще усиливаемое блескомъ полированной стали его 160-сильнаго мотора и окованнаго пропеллера.

Затѣмъ я иду въ нашу сборную комнату и полувнимательно слушаю Буассье, предостерегающаго меня противъ воздушныхъ теченій надъ рейнскимъ каналомъ; въ четыре часа мнѣ предстоитъ летѣть на развѣдки.

Вдругъ рѣзко звонитъ телефонъ. Капитанъ Бошри взялъ трубку: «Алло... Алло... Да, это я, генералъ . . . . Что!! не можетъ быть! Въ половинѣ третьяго! . . . . Но мой офицеръ еще въ два часа ничего не видѣлъ... Боже мой! Взорваны! . . . Фруарскій вокзалъ? . . . Неужели весь отрядъ погибъ!? . . . . . Мы готовы.... немедленно... Сейчасъ распоряжусь. До свиданья, генералъ».

Мы слушаемъ, затаивъ дыханье. По голосу Бошри ясно, что произошло что-то ужасное. Наконецъ онъ оборачивается къ намъ; лицо его блѣдно и искажено гнѣвомъ и болью. Но онъ сразу овладѣваетъ собой и говоритъ намъ твердымъ голосомъ:

— Господа, положеніе очень серьезно. Въ половинѣ третьяго надъ Нанси[1]) появились два цеппелина, сбросили бомбы и взорвали аэропланы и ангары дирижаблей. Отрядъ М. Е. 15 уничтоженъ. Двое изъ нашихъ товарищей убиты и трое ранены... Генералъ приказалъ намъ явиться въ 3 ч. 40 м. на возвышенность Виллэ-ле-Нанси. Извольте черезъ 10 м. отправить автомобили и черезъ 20 м. вылетѣть. Снаряженіе походное. До свиданія, господа. Да, гене-

---

1) Нанси—сильная крѣпость на границѣ Эльзаса.

ралъ предостерегаетъ васъ при приземленіи отъ воронокъ, вырытыхъ взрывами нѣмецкихъ бомбъ.

Зеленыя холщевыя завѣсы ангаровъ раздвинулись съ пронзительнымъ скрипомъ. Автомобили грозно шумятъ. Ихъ наскоро догружаютъ. Механики и унтеръ-офицеры съ ружьями на перевязяхъ поспѣшно усаживаются на свои мѣста. Бошри съ часами въ рукахъ зорко слѣдитъ за приготовленіями къ отъѣзду. Онъ отправляется съ автомобилями. Командованіе надъ аэропланами передано мнѣ... Автомобили ушли. Я смотрю на часы: 3 ч. 25 м. Пора!

— Галлю! Вы полетите впереди. Высота — 800 метровъ, направленіе на Гейскій лѣсъ.

Первый аэропланъ поднялся. Съ промежутками по двѣ минуты поднимаются и остальные пилоты: лейтенанты де Вассиньи и Буассье и унтеръ-офицеры Нори и Бремонъ. Я остаюсь одинъ. Передъ тѣмъ, какъ подняться, я въ послѣдній разъ оглядываю опустѣвшіе теперь ангары. Все стало мрачно и уныло.

Съ Богомъ въ путь! Отъ Туля до Нанси 20 километровъ. Поспѣемъ во-время.

II. Я получаю приказъ летѣть въ Германію.

Передо мной на голубомъ фонѣ неба рисуется правильной чередой пять аэроплановъ отряда. Я почти не смотрю внизъ. Невольно взглядъ приковывается къ западу, къ границѣ; и чудится, что оттуда опять надвигается врагъ.

Вотъ уже подъ нами мозаика предмѣстій Нанси. Что это, однако, за длинная дымка, вьющаяся надъ дорогой невдалекѣ отъ Виллэ-ле-Нанси? Да это нашъ автомобильный обозъ! Уже?! Скоро!

Наконецъ, вотъ авіаціонный паркъ... Солнце ярко озаряетъ крыши ангаровъ для дирижаблей и аэроплановъ. Съ 1000-метровой высоты я не могу простымъ глазомъ найти слѣдовъ бомбардировки. Но мой спутникъ, механикъ унтеръ-офицеръ Кауфманъ смотритъ въ полевой бинокль и кричитъ мнѣ своимъ эльзасскимъ говоромъ:

— Э, г. лейтенантъ! Да тутъ нѣмцы не на шутку напортили. Два ангара для дирижаблей здорово разворочены. Я вижу три большихъ дыры.

— А аэропланы?

— О! Все пошло къ чорту, г. лейтенантъ!

Мнѣ не терпится, и я круто спускаюсь спиральнымъ полетомъ. На высотѣ 400 метровъ я могу уже между двумя поворотами видѣть, какую бѣду надѣлали германскія бомбы.

Все въ развалинахъ, все разрушено, всюду торчатъ разбитыя стропила, развороченныя фермы; вездѣ валяются пылающіе обломки аппаратовъ. На землѣ во многихъ мѣстахъ зіяютъ глубокія черныя воронки. Это — мѣста взрыва германскихъ бомбъ. Быстрое и ужасное видѣніе воздушной

войны. Когда она разыграется? Сегодня вечеромъ или завтра?

Приземляюсь и бѣгу къ группѣ летчиковъ, среди которой выдѣляется высокая фигура ген. Серванта, командира 20 корпуса, стараго браваго лотарингца.

Онъ разсказываетъ о нападеніи германцевъ.

— Нападеніе было совершенно неожиданнымъ. Въ 2 ч. 25 м. со стороны Арракура показались два цеппелина, вмѣстимостью на глазъ до 28 тыс. куб. метровъ. Держась на

высотѣ отъ 1500 до 2000 м., они скоро оказались надъ Нанси.

Въ 2 ч. 30 м. раздалось нѣсколько оглушительныхъ взрывовъ, переполошившихъ жителей города. Съ правильностью артиллерійской стрѣльбы, цеппелины бросили бомбы: двѣ на вокзалъ, шесть на авіаціонный паркъ, три на казармы, къ счастью, пустыя въ этотъ часъ... Атака длилась всего 4 минуты. Ни одна пушка не успѣла отвѣтить имъ, ни одинъ аэропланъ не успѣлъ подняться. Вы видите, что они успѣли натворить. Еще бы! Снаряды, начиненные 90—100 килограммами тринуола, дробящіе и рвущіе все кругомъ. Трое изъ вашихъ товарищей погибли. Вотъ итогъ дня, господа!

При послѣднихъ словахъ голосъ его дрогнулъ, но снова

окрѣпъ и зазвучалъ мужественной энергіей, когда онъ сказалъ:

— А вотъ отвѣтъ! Я только что получилъ инструкцію изъ Парижа. Въ 2 ч. 30 м. изданъ приказъ о мобилизаціи. Дипломатическія сношенія прерваны. Намъ приказано отвѣчать германцамъ ударомъ за ударъ. Намъ предстоитъ атаковать ихъ въ свою очередь. Для этого я васъ и вызвалъ. Капитанъ Бошри, четыре аэроплана вашего отряда должны немедленно отправиться въ Мецъ и попытаться взорвать авіаціонный паркъ въ Фраскати. Опредѣленныхъ инструкцій я вамъ не даю. Дѣйствуйте сообразно обстоятельствамъ. Предупреждаю: дѣло будетъ трудное. Нѣмцы, несомнѣнно, насторожились.

— Слушаюсь! А два остальныхъ аэроплана?

— Для нихъ у меня есть особое порученіе. Мнѣ нужны два опытныхъ и смѣлыхъ летчика. Черезъ пять минутъ я васъ жду, капитанъ, въ канцеляріи парка. Остальные должны немедленно летѣть къ Мецу.

Генералъ ушелъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ канцеляріи... Выборъ Бошри палъ на де-Вассиньи и меня. Оказывается, мы — «опытные и смѣлые летчики». Теперь мы наклонились надъ картой и слушаемъ объясненіе генерала. Его рѣзкій голосъ обыкновенно, теперь отечески мягокъ.

— Видите, вамъ предстоитъ славное, трудное и опасное дѣло. Вы поняли все? Я вкратцѣ повторю. Къ лотарингской долинѣ и къ французской границѣ изъ Германіи ведутъ три стратегическихъ желѣзныхъ дороги, соединяющихъ долину Рейна съ долиной Мозеля. Первая проходитъ черезъ Страсбургъ и Савернъ, отвѣтвляясь на Мецъ и Нанси; вторая — изъ Карлсруэ въ Мецъ, черезъ Гагенау и Саарбрюкенъ; третья, важнѣйшая линія соединяетъ Мецъ и Тіонвиль съ Мангеймомъ и Майнцемъ черезъ Кайзерсъ-Лаутернъ и Ландау. Одинъ развѣдчикъ — вы, Вассиньи, — долженъ постараться испортить первые пути. Я предоставляю вамъ полную свободу дѣйствій. Выберете на мѣстѣ удобный

пунктъ для взрыва. Я могу только посовѣтовать вамъ обратить вниманіе на тоннели между Саверномъ и Лютцельборномъ и на линію въ тѣснинѣ Модера.

— А вы, Сенъ-Бри, надумали что-нибудь?

— Вотъ мой планъ, генералъ. Я прямо полечу на сѣверъ вдоль Вогезскихъ горъ къ Палатинату. Первую попытку сдѣлаю для практики на вѣткѣ около Виссембурга. Попытаюсь затѣмъ взорвать Родальфенскій тоннель къ западу отъ Цвейбрюкена въ узкой долинѣ Гардта. Потомъ попытаюсь что-нибудь сдѣлать на отвѣтвленіи въ Гомбургъ, гдѣ находится, по-моему, стратегическій узелъ желѣзныхъ дорогъ между Мецомъ, Триромъ, Кельномъ и Мангеймомъ.

— Да, это логично. Впрочемъ, дѣйствуйте по своему усмотрѣнію. Вамъ извѣстно, чего отъ васъ ждутъ: до 8 ч. сегодняшняго вечера сосредоточеніе германскихъ войскъ должно быть на нѣкоторый срокъ замедлено пріостановкой движенія на этихъ желѣзнодорожныхъ путяхъ. Хотя бы на нѣсколько часовъ. Этого довольно. Господа, сейчасъ 4 ч. 20 м. Я надѣюсь увидать васъ въ восемь живыми, здоровыми и славно послужившими родинѣ.

III. Въ опасный путь!

Около моего аэроплана стоитъ мой вспомогательный автомобиль. Кауфманъ подъ моимъ руководствомъ укладываетъ въ гондолѣ снаряды. Я составляю планъ дѣйствій.

Отъ Нанси до Палатината — 150 кил., накинемъ еще 100 кил. на неизбѣжныя отклоненія отъ прямого пути для развѣдокъ, 150 кил. обратный путь. Всего 400 кил., т.-е. нуженъ запасъ бензина на 3 часа. Кромѣ того, нужно захватить возможно больше бомбъ. Къ счастью, мой аэропланъ новѣйшей конструкціи; онъ свободно несетъ 550 клгр. полезнаго вѣса.

Я лихорадочно заношу въ книгу слѣдующій расчетъ:

Сенъ-Бри и Кауфманъ.	150 клгр.
Бензина на 3 часа и масла.	140 »
Аппаратъ безпроволочнаго телеграфа. . . .	8 »
Запасныя части.	40 »
15 бомбъ по 10 клгр.	150 »
Итого	560 клгр.

Оказывается лишній вѣсъ. Рѣшаю оставить телеграфный аппаратъ. Лучше возьму двухъ почтовыхъ голубей.

— Кауфманъ, снимите телеграфный аппаратъ. Положите десять бомбъ по 10 клгр., ящикъ зажигательныхъ гранатъ и три клубка Бикфордова шнура. Да захватите еще двухъ почтовыхъ голубей.

— Какой голубятни, Нанси или Туль?

— Нанси. Скорѣй! Мы отправляемся черезъ 5 минутъ.

Я въ послѣдній разъ осматриваю мой аппаратъ и его боевое снаряженіе.

Съ митральезы снятъ чехолъ; изъ гондолы высовывается ея стальное дуло; въ казенную часть вставленъ магазинъ, полный пуль, преназначенныхъ для перваго встрѣчнаго германскаго дирижабля. Ящики съ бомбами на мѣстахъ. Я нажимаю спускъ метательнаго аппарата; снарядъ плавно скользитъ изъ своего гнѣзда и автоматически ложится у выходного отверстія. Прекрасно. Все въ порядкѣ. Я могу выбросить въ полчаса около трехсотъ клгр. взрывчатой массы. Ну, нѣмцы, держитесь!

Оба биплана стоятъ рядомъ, повернутые къ западу. Механики на мѣстахъ. Вассиньи дѣлаетъ мнѣ знакъ, что онъ готовъ. Послѣдній привѣтъ товарищамъ и генералу; онъ пришелъ насъ проводить. Генералъ торопливо сообщаетъ, что онъ распорядился, чтобы съ семи часовъ на нашемъ летномъ полѣ прожекторы свѣтили краснымъ и зеленымъ цвѣтомъ. Это — цвѣта нашего отряда.

Еще мгновеніе. И мы отрѣшились отъ земли.

Аэропланъ летитъ довольно тяжело. Еще бы — при предѣльной нагрузкѣ! У меня вѣдь въ гондолѣ цѣлый арсеналъ взрывчатыхъ веществъ. Хватитъ на нѣсколько цеппелиновъ вмѣстѣ съ ихъ ангарами. Но это ничего. Нужно только добраться до высоты въ 1000 метровъ, а тамъ все пойдетъ прекрасно. Моторъ работаетъ гладко и ровно; это главное.

Половина пятаго... У меня 3½ часа на выполненіе моей задачи. За глаза довольно. На душѣ у меня легко и весело. Я никакъ не могу проникнуться важностью минуты. Мнѣ все кажется, что мы отправились съ Кауфманомъ на простой спортивный перелетъ. Между тѣмъ скоро, можетъ-быть, кругомъ засвистятъ пули и будутъ рваться снаряды.

Передъ моими глазами карта, развертывающаяся съ вала, приводимаго въ движеніе часовымъ механизмомъ. Толстая красная черта отмѣчаетъ направленіе моего пути по Эльзасу къ Палатинату. Я по компасу провѣряю направленіе. Великолѣпно: мы летимъ по надлежащему пути. Смотрю на доску съ точными измѣрительными инструментами; ихъ

стрѣлки слегка дрожатъ. Я поочередно перевожу взглядъ съ измѣрителя высоты на счетчикъ оборотовъ пропеллера, съ барометра на указатель крена, съ измѣрителя скорости къ измѣрителю вѣтра и т. д. Справа между указателями уровня масла и бензина въ резервуарахъ я вижу прицѣльный приборъ миннаго аппарата.

— Кауфманъ, провѣрьте тросы!

Мой механикъ провѣряетъ проволочные канаты, осматриваетъ моторъ, передачу масла и бензина и т. п. Онъ ловко пробирается по узенькой галлерейкѣ, опоясывающей гондолу — послѣднее слово нашей военной авіаціонной техники.

Я смотрю внизъ. Мы еще во Франціи. Внизу видна большая деревня... да, конечно: это Арракуръ. Скоро граница. Мы несемся надъ Безанжскимъ лѣсомъ. Что это? Въ лѣсу движется правильная масса людей и лошадей; я ясно вижу построеніе: по-эскадронно, батареи конной артиллеріи посреди колонны. Кауфманъ смотритъ въ полевой бинокль и докладываетъ, что это Люневилльскій кавалерійскій отрядъ. Я пишу нѣсколько словъ на тонкой свинцовой пластинкѣ и бросаю ее внизъ. Вотъ мое посланіе: «Лейтенантъ Сенъ-Бри, пилотъ аэроплана 307, генералу Си. 4 ч. 45 м. На 10 клм. въ сторону германской границы не вижу ничего». Пластинка падаетъ; ее поднимаетъ драгунъ и карьеромъ мчится къ генералу.

IV. Надъ границей.

Нѣсколько мгновеній, и мы въ Германіи.

Кауфманъ внимательно осматриваетъ горизонтъ въ бинокль. Это его обязанность. Вдругъ онъ вскрикиваетъ:

— Посмотрите, г. лейтенантъ; вонъ тамъ справа двѣ черныхъ точки... Какъ будто дирижабли.

У меня екнуло сердце. Навѣрное, это тѣ два цеппелина, что побывали въ Нанси. По направленію ихъ полета я разсчитываю, что скоро мы должны встрѣтиться. Какъ быть! Свернуть съ пути, или летѣть имъ навстрѣчу? Мнѣ поручено взорвать желѣзную дорогу; всякихъ другихъ столкновеній я долженъ избѣгать. На всякій случай, я рѣшаю выяснить, въ чемъ дѣло, раньше, чѣмъ сворачивать къ сѣверу. Поручаю Кауфману слѣдить въ бинокль. Онъ мнѣ докладываетъ:

— Высота 3000 метровъ... Идутъ прямо на насъ. Я различаю гондолу и пропеллеры...

— Сколько гондолъ, двѣ, три или только одна? Концы корпуса закруглены или восьмигранные?

— Одна гондола, круглые концы.

Я недоумѣваю. Это, несомнѣнно, мягкій дирижабль. Значитъ, это могутъ быть только парсифали изъ страсбургскаго или кольмарскаго парковъ. Воздушные корабли быстро движутся къ намъ. По моему знаку Кауфманъ берется за рукоятку станка пулемета и поворачиваетъ его по направленію къ дирижаблямъ.

— Г. лейтенантъ, сзади второго дирижабля видны еще черныя точки... А! это аэропланы.

— Теперь я понимаю. Это наша эпинальская эскадра, которую генералъ послалъ къ Саарбрюкену. Дирижабли — два Флерюса по 28000 куб. м., самые быстроходные дирижабли нашего воздушнаго флота. Поэтому-то они насъ до-

гнали. Ну, конечно, это наши. Кауфманъ увидалъ трехцвѣтный флагъ на кормѣ перваго дирижабля.

— Скорѣй, Кауфманъ, сигналы!

Мы обмѣниваемся привѣтствіями и эпинальская эскадра быстро удаляется. Слѣва немного ниже меня я вижу аэропланъ Вассиньи. Онъ также сигнализируетъ эскадрѣ.

Саарбрюкенъ. 5 ч. Мы въ долинѣ Саара. Почти сейчасъ же за рѣкой я вижу внизу темныя движущіяся массы. Это они, нѣмцы. Сердце у меня начинаетъ биться сильнѣе. Я жадно всматриваюсь въ движенія нѣмецкихъ войскъ. Начинаю разбираться. Всѣ части стягиваются къ вокзалу въ Саарбрюкенъ. Тамъ всѣ подъѣздные пути заставлены вагонами. По главнымъ путямъ каждыя пять минутъ поѣзда отходятъ по направленію къ Мецу. Очевидно, заканчивается мобилизація 12 дивизіи. Сегодня ночью они хотятъ застать насъ врасплохъ. Я пишу на листкѣ тонкой бумаги: «Саарбрюкенъ 5 ч. Ничего въ направленіи къ Аврикуру и Нанси. Сажаютъ въ поѣзда много войска; думаю, дивизію. Направленіе поѣздовъ: Мецъ». Привязываю записку на шейку почтовому голубю и выпускаю его. Онъ быстро исчезаетъ, направляясь къ нашей границѣ. Генералъ скоро будетъ предупрежденъ.

— Посмотрите, г. лейтенантъ, насъ, кажется, замѣтили.

Дѣйствительно, я замѣчаю внизу безпорядочное движеніе. Вотъ и голубоватые дымки, прорѣзываемые быстрыми молніями. Въ насъ стрѣляютъ. Пусть ихъ! Мой блиндированный аэропланъ не боится пуль на высотѣ 600 м., а я лечу въ 1300 м. отъ земли. Кауфманъ умоляетъ меня бросить бомбу. Но мое дѣло еще впереди, снарядовъ у меня лишнихъ нѣтъ и, наконецъ, не благородно перебивать добычу у летящей сюда эпинальской эскадры. Я прибавляю ходу... Такъ: 109 клм. въ часъ. Черезъ 1½ часа стемнѣетъ, а я долженъ засвѣтло взорвать желѣзнодорожные пути въ Бичѣ, въ Гомбургѣ и въ Ландау.

V. Я сбрасываю первыя бомбы. Мой аэропланъ поврежденъ.

Бичъ. 5 ч. 40 м. Вотъ уже нѣсколько минутъ, какъ мы летимъ надъ долиной небольшой рѣчки, которая выведетъ насъ на желѣзнодорожную линію Гагенау-Бичъ. Это — одноколейная желѣзная дорога небольшого стратегическаго значенія, и генералъ разрѣшилъ мнѣ оставить ее, если мнѣ будетъ такъ удобно, безъ вниманія. Но я хочу сдѣлать здѣсь опытъ, чтобы набить себѣ руку для предстоящихъ мнѣ серьезныхъ задачъ въ Гомбургѣ и Палатинатѣ. Въ первый разъ мнѣ предстоитъ примѣнить на дѣлѣ пріемы воздушной бомбардировки, которымъ насъ обучали въ авіаціонной школѣ. Обыкновенно мы бросаемъ бомбы съ высоты въ 1000 — 1200 метровъ въ цѣли площадью въ 50—60 метровъ, изображающія поверхность ангара, или дирижабля. Для

меньшихъ цѣлей приходится спускаться ниже. Съ высоты 400 метровъ получается 90% попаданій въ цѣль въ 5—10 кв. м. Но на такой небольшой высотѣ взрывъ уже опасенъ для аэроплана. Все-таки я хочу попробовать.

Ширина желѣзнодорожнаго полотна здѣсь 5 м. Значитъ, надо спуститься до 300 м. и летѣть ½ кл. вдоль рельсовъ, бросая по бомбѣ на каждыхъ 10 метрахъ.

Я опредѣляю высоту и начинаю спускаться прямо надъ полотномъ дороги. 800 м... 600 м... Быстро опускаемся. Предметы на землѣ растутъ, растутъ.

— Кауфманъ, 10 бомбъ по 12 въ боевую камеру...

300 м... Почти останавливаю моторъ; полетъ замедленъ до послѣдней возможности. Въ прицѣльномъ аппаратѣ вижу между призмами двѣ геометрически параллельныхъ линіи: рельсы. Правильно: мы на оси прицѣла.

— Пли!

Сухой звукъ спуска, и бомба, рокоча, падаетъ. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ смотрю внизъ. Снопъ огня, облако пыли. Снарядъ взорвался въ 3 м. справа отъ полотна. Командую Кауфману:

— Исправленіе: $^3/_{10}$ влѣво.

Дѣлаю полуоборотъ, пролетаю надъ зіяющей воронкой на мѣстѣ взрыва, и возвращаюсь на мѣсто начала моего боевого опыта. Снова беру прицѣлъ и готовлюсь спустить бомбу.

— Г. лейтенантъ, — кричитъ Кауфманъ мнѣ прямо въ ухо, — впереди въ 600 метрахъ поѣздъ.

Поѣздъ стоитъ; изъ него выскакиваютъ солдаты. Они цѣлятся въ насъ: 300 м. — насъ сейчасъ разстрѣляютъ. Четверть секунды колебанія: броситься на нихъ или удрать кверху? Я съ бѣшенствомъ даю полный ходъ машинѣ. Рѣзкимъ движеніемъ нажимаю руль глубины. Аэропланъ дѣлаетъ скачокъ и становится на дыбы. Инстинктивно мы прячемъ головы подъ блиндированный навѣсъ.

Нѣмцы не теряютъ времени. Пули свистятъ кругомъ и глухо ударяютъ въ гондолу, въ крылья и моторъ. Указатель быстроты разбитъ. Перебитый тросъ хлещетъ по навѣсу. Трахъ, трахъ! Правое крыло пробито въ двухъ мѣстахъ. Я съ замираніемъ въ сердцѣ смотрю на измѣритель высоты; мнѣ кажется, что мы падаемъ. Нѣтъ, никогда еще аппаратъ не работалъ такъ хорошо. 300, 450, 500 м... Мы съ головокружительной быстротой поднимаемся почти отвѣсно кверху. Я начинаю надѣяться. 700 м.: пули свищутъ меньше. Перевожу дыханіе. 900 м. Двѣ пули безсильно ударяются въ верхніе планы и падаютъ въ гондолу... 1000 м... Фу! Кажется, вывернулись.

Я злюсь на самого себя. Глупая исторія для начала. Во всякомъ случаѣ я использую этотъ опытъ. Впередъ, въ Гомбургъ! Тамъ настоящее дѣло. И большая, хорошо видная цѣль: вокзалъ. Можно будетъ стрѣлять съ 1000 метр. безъ всякой помѣхи.

Кауфманъ тщательно осматриваетъ аэропланъ. Оказывается первая стычка съ нѣмцами не прошла намъ даромъ: глупая пуля пробила резервуаръ съ бензиномъ.

— Я уже заткнулъ дыру. Но все-таки бензинъ просачивается. Много успѣло вытечь.

Это скверно, очень скверно.

— Сколько же вылилось?

— По крайней мѣрѣ, 20 литровъ. У насъ осталось не больше 50 литровъ.

50 литровъ! Но вѣдь это же катастрофа. Бензина хватитъ на какой-нибудь часъ. Я въ отчаяніи. Неужели у самой цѣли поворачивать обратно?

— Кауфманъ, можетъ-быть, въ запасной камерѣ есть бензинъ?

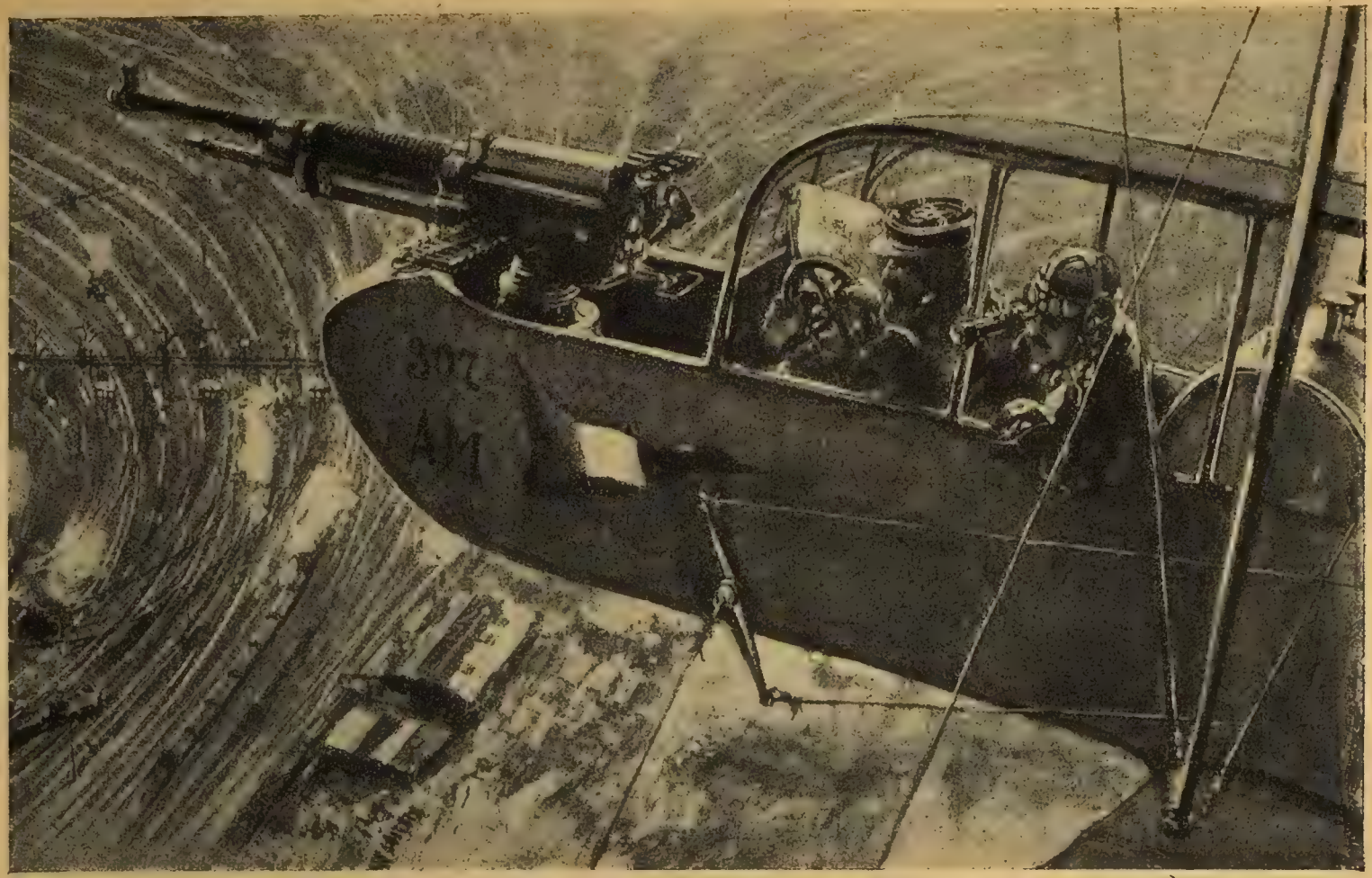
— Нѣтъ, г. лейтенантъ: было два бидона, но я ихъ снялъ, чтобы очистить мѣсто для бомбъ.

Неужели назадъ?.. Нѣтъ! У насъ есть еще на часъ бензина, а тамъ будь, что будетъ. До цѣли остается какихъ-нибудь 30 кл. Аэропланъ 307 будетъ держаться въ воздухѣ, пока хватитъ бензина. Совѣщаюсь съ Кауфманомъ. Скромный эльзасецъ говоритъ только: надо летѣть! Я пожимаю ему руку.

VI. Я взрываю вокзалъ въ Гомбургѣ.

Палатинатъ. 6 ч. 30 м. Вотъ это ходъ! 1230 оборотовъ въ минуту! Пускаю моторъ вовсю. 116 кл. въ часъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы минуемъ границу Эльзаса. Рейнская Пруссія, старинный Палатинатъ. Уже видны кокетливые домики Цвейбрюкена. Внизу вижу два полка, идущіе на востокъ. Вотъ и большая желѣзнодорожная линія Ландау — Цвейбрюкенъ... Я жадно смотрю впередъ. Сейчасъ долженъ быть и Гомбургъ, большой стратегическій узелъ германскихъ желѣзныхъ дорогъ. На сѣверѣ виднѣется большое нагроможденіе построекъ; все уже слегка сливается въ сумеркахъ. Конечно, это Гомбургскій вокзалъ. Вотъ вѣеръ запасныхъ путей; ихъ, кажется, сотни; вотъ бетонныя платформы длиной съ километръ... Какъ все это великолѣпно организовано! Подо мной кишащій муравейникъ вагоновъ, паровозовъ, войскъ. Высота 1300 м. Я могу спокойно оглядѣться: грузятъ артиллерію, вводятъ въ вагоны лошадей кавалеріи, садится пѣхота; приходятъ поѣзда одинъ за другимъ изъ Майнца черезъ Биркенфельдъ, изъ Мангейма и Вюртемберга, черезъ Кайзерсъ-Лаутернъ; дальше одинъ за другимъ строятся уже груженые поѣзда, чтобы сейчасъ отойти на югъ, къ Мецу. Невольно я любуюсь царящимъ здѣсь образцовымъ порядкомъ и желѣзной дисциплиной.

На этотъ разъ мой планъ атаки мнѣ совершенно ясенъ. Я замѣчаю, что всѣ запасные пути сходятся на четырехъ центральныхъ линіяхъ вокзала, проходя черезъ 8 стрѣлокъ. Эти восемь пунктовъ — настоящіе жизненные центры всей системы. Я рѣшаю бомбардировать сначала главные пути, летя съ юга на сѣверъ, а затѣмъ пролетѣть перпендикулярно къ нимъ, бомбардируя стрѣлки.


307
A1

Немного спускаюсь. Высота — 1100 метровъ. Бомбы держу на готовѣ. Въ прицѣльный приборъ вижу четыре платформы вокзала. Бомба падаетъ между рельсами третьяго пути и вырываетъ огромную воронку. Не медля больше, выпускаю десять бомбъ.

Кауфманъ кричитъ мнѣ:

— О! вторая прямо на платформу! Теперь прямо на второй путь! Эге! Что это съ крышей вокзала?! А паровозное депо! Господи, что за каша!!

А внизу бушуетъ каждыя три секунды ураганъ огня и обломковъ желѣза и стали. Смерть рѣетъ надъ вокзаломъ.

Въ 30 секундъ бомбардировка кончена. Я дѣлаю полуоборотъ, чтобы бомбардировать линію стрѣлокъ.

Внизу видно страшное смятеніе. Поѣзда остановились. Надо пользоваться паникой, не упуская ни секунды.

Кауфманъ поспѣшно заряжаетъ магазинъ новой серіей въ 10 бомбъ по 12 килогр. Смотрю въ прицѣльный приборъ. А! Вотъ и первый сигнальный постъ! Пускаю бомбу. Неудача!

— Кауфманъ, исправленіе $^{15}/_{10}$ влѣво.

Полуоборотъ, и мы снова надъ сигнальнымъ постомъ. Но нѣмецкія войска успѣли оправиться отъ потрясенія. Вспышки выстрѣловъ уже озаряютъ сумерки. Эти огоньки вспыхиваютъ тысячами, со всѣхъ сторонъ. Ей Богу, въ насъ палитъ цѣлая дивизія. До насъ уже долетаютъ пули, правда, на излетѣ. Надо спѣшить.

И въ 45 секундъ аэропланъ 307 дѣлаетъ свое дѣло. Три сигнальныхъ поста разрушены до основанія, два пылаютъ. Уцѣлѣли только три изъ восьми.

Обрушились двѣ громадныхъ водокачки. Ихъ не починить раньше двухъ-трехъ дней.

VII. Насъ обстрѣливаетъ артиллерія.

Кауфманъ неистовствуетъ отъ радости. Онъ разсказываетъ, что одна бомба попала на вагонъ съ артиллерійскими снарядами, взорвала его, и все кругомъ — вагоны, пушки, лошади, люди — взлетѣло на воздухъ. Я тоже доволенъ.

— Сколько у насъ осталось бомбъ?

— Шесть, г. лейтенантъ, и, кромѣ того, ящикъ зажигательныхъ гранатъ.

— А бензину?

— Двадцать литровъ...

Но что это? Въ 400 метрахъ отъ насъ въ воздухѣ взрывается снарядъ и кругомъ расплываются клубы чернаго дыма. Смотрю внизъ: вижу, на насъ катитъ бѣлое облачко, и опять взрывъ, уже въ 200 метрахъ.

Вотъ оно что! Я понялъ: теперь мы пропали!

— Это батарея спеціальныхъ пушекъ для стрѣльбы по аэропланамъ; онѣ бьютъ вертикально вверхъ. Первые два выстрѣла были сдѣланы для прицѣла. Отъ третьяго надо уходить: иначе бѣда!

Итакъ, удираю.

Рѣзкимъ движеніемъ я бросаю аэропланъ почти вертикально на 100 м. внизъ, немедленно поднимаюсь почти подъ прямымъ угломъ на 200 м. кверху и опять бросаюсь внизъ; все это на полномъ ходу мотора. Такими громадными прыжками я пролетаю 2 кл., съ захватывающей духъ быстротой. Кауфманъ ничего не понимаетъ и растерянно хватается за поршень. Все въ гондолѣ прыгаетъ и скачетъ.

Высота — 1.600 м. Смотрю назадъ... Гомбургъ еле виденъ... Не видать грозныхъ, бѣлыхъ облачковъ. Слава Богу улизнули, а то плохо пришлось бы. Мой аппаратъ сослу-

жилъ намъ вѣрную службу, несмотря на прострѣленныя крылья и вытянувшіеся тросы. Пріемъ грубоватый; но нѣтъ другого способа уйти отъ артиллерійскаго обстрѣла, когда наводчики успѣли опредѣлить прицѣлъ.

Родаленъ. 6 ч. 50 м. Свѣту уже мало. А бензина — увы! — еще меньше.

Перебой... Опять перебой... Я вздрагиваю: моторъ шалитъ. Скоро, однако, онъ снова начинаетъ работать почти безукоризненно. Кауфманъ бросается къ резервуару съ бензиномъ.

— Пустяки, г. лейтенантъ. Какая-то тряпка попала въ карбураторъ...

— Сколько литровъ?

— Еще пятнадцать.

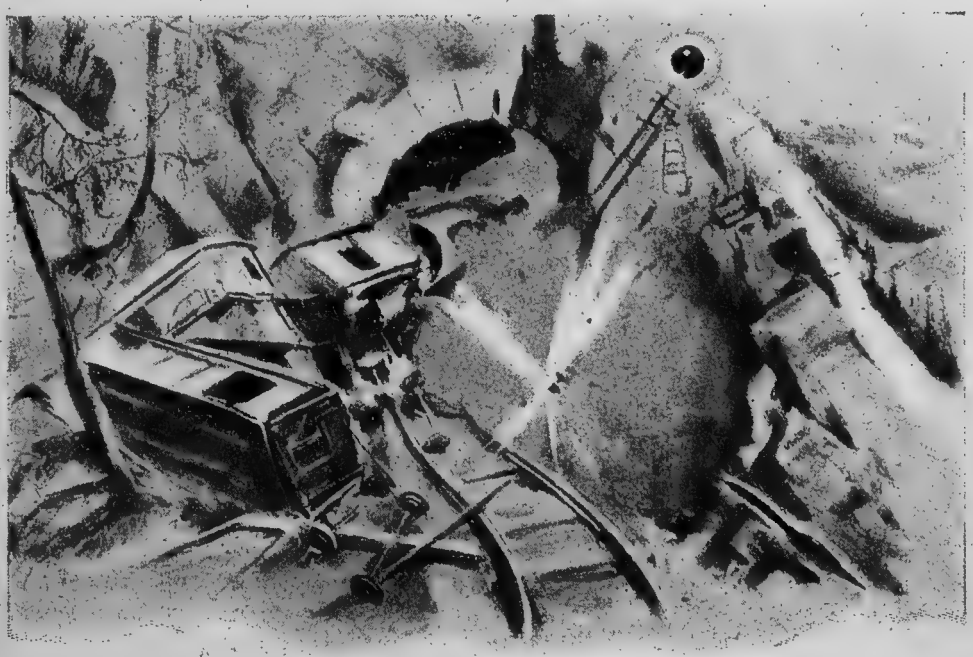
Еще пятнадцать! Мнѣ во что бы то ни стало нужно продержаться въ воздухѣ еще полчаса. Я успѣю исполнить порученіе генерала, а тамъ будетъ видно.

Мы летимъ снова на юго-востокъ, возвращаясь по линіи Ландау-Цвейбрюкенъ. Цѣль моя — Родаленскій тоннель; дорога тамъ совершенно стиснута между откосами. Я надѣюсь, что откосы обвалятся отъ взрыва и завалятъ путь.

. . . . . .

VIII. Осталось только 15 литровъ бензина. Взрывъ тоннеля.

Протянулось это недолго. Мои послѣднія шесть бомбъ не пропали даромъ. Красный фонарь у въѣзда въ тоннель оказался превосходной точкой прицѣла. Первыя четыре бомбы вызвали обвалъ откоса; путь совершенно завалило.



И какъ разъ въ этотъ моментъ показался поѣздъ, шедшій изъ Ландау. На полномъ ходу онъ врѣзался въ обвалъ. Я видѣлъ, какъ взгромоздились другъ на друга вагоны, слышалъ трескъ и лязгъ и оглушительный взрывъ котловъ паровоза. Я швырнулъ въ облако пара, окутавшаго этотъ хаосъ, цѣлый ящикъ зажигательныхъ гранатъ.

Надѣюсь, генералъ будетъ доволенъ; аэропланъ 307 исполнилъ свой долгъ. Вокзалъ въ Гомбургѣ взорванъ и Родаленскій тоннель забитъ. Смерть нашихъ товарищей отмщена.

А теперь намъ съ Кауфманомъ надо готовиться къ смерти. У насъ остается всего три литра бензина, а мы находимся въ 150 кл. отъ нашей границы надъ темными лѣсами Гардта, надъ перелѣсками Стефансберга. Что дѣлать? Нѣтъ, только не падать духомъ. Надо какъ-нибудь выбираться.

Пролетая надъ Бичемъ, я замѣтилъ нѣсколько полянъ въ Вальдекскомъ лѣсу, на отрогахъ Вазгаускихъ горъ. Меня манятъ эти поляны. Тамъ я постараюсь приземлиться. Во всякомъ случаѣ, я буду въ Эльзасѣ, и у меня будетъ больше шансовъ выбраться оттуда, чѣмъ изъ Рейнской Пруссіи.

Я быстро составляю планъ дѣйствія. Летѣть прямо на югъ, выбрать удобное мѣсто для спуска, постараться, пользуясь сумерками, спуститься незамѣченнымъ и не сломать себѣ шею, а затѣмъ — разъ я буду уже на землѣ — возможно дороже продать свою шкуру.

Солнце быстро склоняется къ закату, но все-таки здѣсь наверху еще свѣтло. Внизу на землѣ сумерки уже совершенно сгустились. Между сосновыми рощами стелется бѣлая пелена тумана. Мы приближаемся къ Эльзасу. Вотъ, наконецъ, знакомыя мѣста: желѣзная дорога Бичъ-Гагенау. Перебои учащаются. Несомнѣнно, это конецъ. Надо спускаться, иначе мы сейчасъ начнемъ падать. Я хочу уже выключить моторъ, но вспоминаю, что надо еще докончить порученное мнѣ дѣло.

— Кауфманъ, скорѣе доставайте почтоваго голубя.

Я наскоро диктую Кауфману докладъ: «7 ч. 15 м. Вокзалъ въ Гомбургѣ взорванъ. Движеніе поѣздовъ прервано. Родаленскій тоннель забитъ. Въ Бичѣ лопнулъ резервуаръ. 7 ч. 20 м. кончится бензинъ. Спускаемся въ Эльзасѣ».

— Все, г. лейтенантъ?

— Прибавьте еще: «доблестно дѣйствовалъ механикъ Кауфманъ. Прошу представить къ военной медали. Да здравствуетъ Франція!»

. . . . . .

Кауфманъ вложилъ депешу въ трубочку, привязанную къ лапкѣ голубя, и бросилъ его въ пространство. Птица начала падать пушистымъ комочкомъ, потомъ постепенно расправила крылья и полетѣла. Два, три большихъ круга и направленіе безошибочно найдено. Вѣрный почтарь стрѣлой полетѣлъ по направленію къ Нанси.

IX. Вынужденный спускъ.

Почти немедленно въ моторѣ раздался сухой трескъ частыхъ перебоевъ и характерные звуки, предшествующіе остановкѣ за недостаткомъ бензина.

Конецъ. Надо спускаться. Куда?

Я выключаю контактъ, моторъ останавливается, и мы спускаемся скользящимъ полетомъ въ ночную тьму, уже окутавшую германскую землю.

Куда насъ приведетъ судьба? Я замѣчаю внизу блестящую поверхность Вальдекскаго пруда. Я направляю аэроплань туда. Все-таки безопаснѣе опуститься на воду, чѣмъ на верхушки сосенъ. Мы спускаемся съ высоты въ 1.600 м., и спускъ можно продлить до шести минутъ. Я даю, возможно меньше, наклонъ аэроплану, чтобъ подольше продержаться въ воздухѣ. Каждой лишней минутой приходится дорожить: сумерки все больше сгущаются и нашего спуска, можетъ-быть, не замѣтятъ.

800 метровъ. Мы еще слишкомъ высоко: я еще не могу разсмотрѣть почву внизу и выбрать мѣсто для спуска. 600 метровъ... 400 метровъ. Уже можно оглядѣться. До насъ долетаетъ лай собаки и отдаленный звонъ церковнаго колокола... Въ это время Кауфманъ кричитъ мнѣ:

— Г. лейтенантъ, посмотрите: можно выкрутиться. Если перелетѣть озеро, на той сторонѣ есть полянка на берегу.

Дѣйствительно, я смутно различаю за озеромъ небольшую прогалину, спускающуюся къ озеру между темными стѣнами сосноваго бора. Я разсчитываю спирали полета такъ, чтобъ перелетѣть черезъ озеро.

Кажется, поздно; мы уже слишкомъ близко отъ земли. Всего 20 м. Кончаемъ послѣдній кругъ: ахъ! задѣли верхушку дерева... Крутой поворотъ. Мы надъ самой поверхностью воды. Сейчасъ нырнемъ... Но нѣтъ: приземляемся все-таки на берегу. Трещитъ ломающійся камышъ. Аппаратъ прокатывается по полянкѣ до самыхъ деревьевъ и останавливается. Мы спасены.

X. Мы спасены!

Спасены? Да, можетъ-быть, отъ паденія, но не отъ пруссаковъ.

Мы выскакиваемъ, держа револьверъ наготовѣ, потому что ждемъ гортаннаго окрика нѣмецкаго часового: «Wer da?»

Но ничего кругомъ не слышно. Лѣсъ кажется необитаемымъ. Только какая-то хищная птица, пробужденная шумомъ нашего спуска, кружится съ рѣзкимъ крикомъ надъ нами.

Кауфманъ шепчетъ мнѣ на ухо:

— Я немного знаю эту мѣстность. Мальчишкой я жилъ недалеко отсюда, въ Филипсбургѣ. Гдѣ-то здѣсь поблизости есть деревушка. Если тамъ нѣтъ пруссаковъ, эльзасцы насъ вызволятъ изъ бѣды.

— А вы говорите на нижне-эльзасскомъ нарѣчіи?

— Еще бы, г. лейтенантъ.

— Ну, такъ идемъ, можетъ-быть, они насъ и вправду выручатъ.

Однако, прежде надо, по возможности, запрятать аэроплан. Мы съ трудомъ поворачиваемъ въ сплошь покрытый касторовымъ масломъ тяжелый металлическій хвостъ нашей бѣдной «птицы» и закатываемъ ее въ сосновую поросль. Крылья и гондолу забрасываемъ вѣтвями... Прощай, бѣдняга 307! Прежде чѣмъ уйти, Кауфманъ вывинчиваетъ кое-какія части изъ мотора. Ну, теперь готово, идемъ!

Долго мы бредемъ въ темнотѣ, стараясь производить возможно меньше шума, бредемъ, натыкаясь на деревья, спотыкаясь о корни. Наконецъ выбираемся на узкую тропинку. Черезъ нѣсколько минутъ Кауфманъ останавливаетъ меня: вдали виденъ огонекъ. Онъ шепчетъ мнѣ: «Подождите, я

сейчасъ вернусь!» и исчезаетъ въ темнотѣ. Проходитъ десять минутъ — вѣчность. Наконецъ, я слышу легкій хрустъ вѣтокъ: это онъ идетъ. Два, три раза нажимаю кнопку электрическаго фонарика, чтобы вспышками показать, гдѣ я. Онъ подходитъ и возбужденно разсказываетъ про свою удачу. Оказывается, онъ добрался до небольшой фермы, подкрался къ окошку и сейчасъ же увидалъ, что здѣсь живутъ свои, не пруссаки. «Это сразу видно; да и женщина тамъ въ эльзасскихъ уборахъ. Я постучался въ дверь. Мнѣ открылъ старикъ и я сказалъ ему по-эльзасски: «я эльзасецъ, французскій солдатъ; вы меня, можетъ-быть, знаете? Я внукъ старика Кауфмана изъ Нидербронна». И вдругъ я я его узнаю: да это Гансъ Мюллеръ, пріятель моихъ стариковъ. Можете себѣ представить, до чего я обрадовался? Я говорю ему: «отецъ Гансъ, не бойтесь! Только, чтобъ не было шума, да закройте всѣ ставни! онъ совсѣмъ было ошалѣлъ сначала, но, оправившись, обнялъ меня и сдѣлалъ все, что я сказалъ. Онъ ждетъ насъ, г. лейтенантъ, идемте».

По дорогѣ Кауфманъ разсказываетъ мнѣ, что за два часа тутъ проходилъ жандармскій дивизіонъ, забиравшій запасныхъ для отправки въ Вертъ. Хороши бъ мы были, спустись мы на два часа раньше.

XI. У эльзасцевъ.

Мы у дома Ганса Мюллера. Вотъ онъ самъ: онъ встрѣчаетъ насъ на порогѣ. Можетъ-быть, въ первый разъ послѣ 70 года онъ видитъ мундиръ французскаго офицера. Онъ протягиваетъ мнѣ руку и дрожащимъ отъ волненія голосомъ говоритъ на хорошемъ французскомъ языкѣ:

— Добро пожаловать, г. лейтенантъ. Въ моемъ домѣ вы на французской землѣ.

Я никогда не забуду ни этой минуты ни этихъ словъ.

Въ низкой комнатѣ подъ большими потемнѣвшими балками дубоваго потолка, у большой изразцовой печи, мы сѣли кружкомъ: насъ двое, старикъ хозяинъ и его жена и дочь въ золотыхъ и серебряныхъ повязкахъ съ традиціоннымъ чернымъ бархатнымъ бантомъ надъ головой. Дверь заперта и ставни плотно закрыты. Мы разсказываемъ наши приключенія. Глаза обоихъ стариковъ и особенно ясные голубые глазки дѣвушки блестятъ то сочувствіемъ, то жестокимъ злорадствомъ.

— Вотъ что, отецъ Гансъ: намъ надо отсюда выбраться. Нельзя ли какъ-нибудь добыть бензина.

— А сколько надо, г. лейтенантъ?

— Да, по крайней мѣрѣ, литровъ 50. И бензинъ надо добыть до разсвѣта.

Гансъ задумывается.

— 50 литровъ... Это очень много, г. лейтенантъ... Въ Филипсбургѣ одинъ лавочникъ держитъ бензинъ для автомобилей... Но вѣдь сейчасъ уже ночь: лавка заперта. Лавочникъ нѣмецъ. 50 литровъ... Еще, не дай Богъ, заподозритъ что-нибудь...

Онъ опять задумывается.

— Развѣ вотъ что... А вѣдь и вправду, г. лейтенантъ, кажется, я придумалъ. Мы, можетъ-быть, достанемъ бензина въ замкѣ.

— Въ какомъ замкѣ?

— Въ Бернвальдѣ, у г. Де-Птишемона, нашего хозяина. Онъ держитъ автомобиль, и у него долженъ быть бензинъ. А Бернвальдъ — все равно, что домъ Ганса Мюллера: тамъ сдѣлаютъ для васъ все, что смогутъ. Какъ это я раньше не вспомнилъ объ автомобилѣ г. графа.

— А замокъ далеко?

— Пять минутъ ходьбы отсюда.

У меня сердце забилось надеждой. Кажется, мы спасены.

. . . . . .

XII. Бензинъ!!!

Мы снова въ лѣсу. Пересѣкаемъ поляну, на которой запрятанъ мой аппаратъ. Тамъ все въ порядкѣ. Сейчасъ половина десятаго. Гансъ рѣшаетъ итти впередъ, чтобы предупредить графа.

— Вы, понимаете, г. лейтенантъ, такъ будетъ лучше. Я боюсь прислуги. Тамъ есть лакей, который называетъ себя эльзасцемъ изъ Мюльгаузена. Но, по-моему, онъ вретъ. Шоффферъ тоже продувная бестія. Они могли бы донести.

— Хорошо, Гансъ, дѣлайте, какъ знаете. Мы васъ подождемъ здѣсь. Когда будете возвращаться, дайте сигналъ. Свистните два раза, и мы будемъ знать, что это вы.

Гансъ уходитъ. Мы съ Кауфманомъ забираемся въ гондолу и снимаемъ съ мѣста резервуаръ для бензина. Осматриваемъ поврежденіе. Поправить резервуаръ можно, но нужны инструменты. Во всякомъ случаѣ здѣсь, въ лѣсу, при свѣтѣ карманнаго фонарика, ничего нельзя сдѣлать. Какъ-нибудь обойдемся: заткнемъ пробоину тряпкой. Я тщательно осматриваю аппаратъ. Да, онъ пострадалъ-таки. Крылья мѣстами походятъ на рѣшето. На одномъ правомъ крылѣ я насчиталъ сорокъ дыръ... Это насъ угостили такъ въ Бичѣ. Перебито нѣсколько тросовъ; я ихъ заматываю и закрѣпляю проволокой, а то чего добраго попадутъ въ пропеллеръ. Вотъ пропеллеръ сохранился почти невредимымъ. Это особое счастье. Кауфманъ сейчасъ же принимается за работу. Кое-что необходимо поправить. И работу нужно кончить до разсвѣта, чтобы уѣхать отсюда. Такъ-то оно такъ, а бензина у насъ нѣтъ и Мюллеръ не возвращается. Я смотрю на свѣтящійся циферблатъ моихъ часовъ: чортъ возьми! Уже половина двѣнадцатаго. Больше часа, какъ онъ ушелъ.

Меня сжигаетъ нетерпѣніе. Хожу большими шагами по полянѣ.

Вдругъ свистокъ... Другой... Это онъ! Черезъ мгновеніе:

— Ну что, отецъ Гансъ?

— Г. лейтенантъ, въ замкѣ два ящика бензина.

— Два ящика? Полныхъ?

— Да. Графъ васъ ждетъ. Онъ хотѣлъ прійти сюда съ дочерью. Но я его отговорилъ: это было бы неосторожно. Идемте въ замокъ. Къ счастью, лакей и шоффферъ тоже призваны на военную службу.

Кауфманъ взваливаетъ на плечи резервуаръ и мы направляемся вслѣдъ за отцомъ Гансомъ.

. . . . . .

Большая высокая зала, картины, статуи, старинныя оружія, охотничьи трофеи. Насъ ждалъ здѣсь такой пріемъ, память о которомъ я сохраню до послѣдняго дня моей жизни...

Черезъ полчаса графъ и его дочь проводили меня въ гаражъ, гдѣ мы нашли Кауфмана, весело возившагося со своимъ резервуаромъ:

— Г. лейтенантъ, у насъ будетъ 90 литровъ! Хватитъ на 2½ часа! Можно будетъ даже покружиться надъ Страсбургскимъ соборомъ раньше, чѣмъ вернуться домой.

Мы держимъ совѣтъ. Гансъ предлагаетъ пойти въ сторону Филипсбурга и желѣзной дороги, чтобъ посмотрѣть, не бродятъ ли тамъ нѣмецкіе патрули. Тѣмъ временемъ мы исправимъ резервуаръ. Нужные инструменты нашлись въ гаражѣ. Графъ требуетъ, чтобъ мы работали наверху въ залѣ. Въ гаражѣ, говоритъ онъ, неосторожно шумѣть ночью. Сейчасъ время тревожное, и за нимъ слѣдятъ.

. . . . . .

XIII. Послѣдняя задача должна быть исполнена.

1 ч. 20 м... Въ четыре начнетъ разсвѣтать. Резервуаръ поправленъ. Надо отправляться. Графъ обнимаетъ меня на прощаніе. Я цѣлую запачканные пальчики его дочери: милая дѣвушка обязательно захотѣла намъ помогать...

Вотъ мы опять въ лѣсу на полянѣ. Мы съ Кауфманомъ привинчиваемъ резервуаръ. Гансъ стоитъ на караулѣ.

Значитъ, можно летѣть... Но меня вдругъ охватываетъ сожалѣніе, что я не вполнѣ выполнилъ все порученное мнѣ генераломъ. Конечно, онъ не можетъ быть недоволенъ. Наоборотъ. Я — скромный человѣкъ, но знаю, что дѣло свое я сдѣлалъ. И все-таки меня охватываетъ чувство, похожее на жадность удачливаго охотника.

Вѣдь желѣзная дорога между Бичемъ и Гагенау не взорвана. Тамъ безпрепятственно двигаются поѣзда, подвозящіе нѣмцевъ къ французской границѣ.

Но что я могу сдѣлать? У меня не осталось ни одной бомбы ни одной зажигательной гранаты.

Я въ раздумьѣ стоялъ у аэроплана.

— Что такое, г. лейтенантъ? — спросилъ встревоженнымъ голосомъ Кауфманъ.

Онъ раздѣлялъ со мной всѣ опасности нашего воздушнаго набѣга, и я не счелъ возможнымъ скрыть отъ него моихъ мыслей. Я не замѣтилъ, что около насъ стоялъ Гансъ, вернувшійся съ своей развѣдки.

— Если бы я могъ быть вамъ полезенъ, г. лейтенантъ, въ этомъ дѣлѣ! — сказалъ онъ.

Я вздрогнулъ, услышавъ третій голосъ, но сейчасъ же успокоился, узнавъ браваго эльзасца.

И вдругъ меня осѣнило. Я вспомнилъ, что у меня остался Бикфордовъ шнуръ и нѣсколько пироксилиновыхъ шашекъ. Да, пять или шесть. Достаточно для славнаго разрушенія, если дѣйствовать обдуманно.

Но аэропланъ мой тутъ уже ни при чемъ. Съ высоты ничего не сдѣлаешь съ такими средствами.

Гансъ... Онъ самъ предлагаетъ свои услуги... Конечно, это возможно... До разсвѣта еще далеко...

Но нѣтъ! Я съ ума сошелъ. Навлечь подозрѣніе на жителей Берневольда, подставить подъ нѣмецкій разстрѣлъ моего спасителя и, можетъ-быть, его дочь! Довольно и того, что сдѣлано.

А если попытаться отвлечь отъ нихъ подозрѣніе... Вѣдь, конечно, по всей германской линіи уже дано знать объ аэропланѣ, который пролетѣлъ надъ вокзаломъ въ Ландау и надъ Родальфенскимъ тоннелемъ и дѣлалъ тамъ коекакія непріятности...

Если въ моментъ взрыва показаться надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ произойдетъ, никому и въ голову не придетъ искать другихъ виновниковъ, кромѣ французскаго летчика. Да, конечно, это такъ.

XIV. Опять въ воздухѣ!

Я смотрю на часы. 3 часа. Разсвѣтетъ вполнѣ къ шести, не раньше. Ночь сырая. Можно разсчитывать на туманъ, который, навѣрное, окутаетъ подъ утро все кругомъ.

Рѣшено. Исполнимъ и послѣднее, необязательное порученіе генерала. Надо только выбрать мѣсто. Я забираюсь въ гондолу и освѣщаю электрическимъ фонарикомъ карту. Мостъ... Лучше и не надо.

Объясняю Гансу, что я отъ него жду. Онъ долженъ пройти къ мосту — всего пять километровъ. Къ 4 часамъ онъ туда доберется. Тамъ надо прокрасться подъ среднюю ферму и заложить шашки. Къ 4 ч. 15 м. это должно быть сдѣлано. Въ 4 ч. 15 м. зажечь шнуръ. Въ 4 ч. 16 м. взрывъ. Къ этому времени я буду подъ мостомъ. Прилечу къ 4 часамъ и буду кружить около того мѣста; отвлеку вниманіе часовыхъ, такъ что ему не трудно будетъ незамѣтно заложить шашки.

Гансъ задаетъ два-три вопроса о томъ, какъ обратиться съ пироксилиномъ и, пожавъ мою руку, скрывается въ темнотѣ. Мы съ Кауфманомъ возвращаемся къ аэроплану.

Выкативъ его на поляну, мы садимся въ гондолу, пускаемъ моторъ и пробуемъ подняться. Новое несчастье! Аэропланъ катится по полянѣ, но не беретъ вверхъ.

Останавливаю моторъ. Кауфманъ снова тщательно осматриваетъ аппаратъ.

Скоро причина нашей новой неудачи найдена. Ткань крыльевъ, деревянныя части, все вообще, что можетъ впитывать влагу, такъ отсырѣло, что аэропланъ отяжелѣлъ и моторъ не можетъ поднять его.

Пока мы добрались до этого объясненія, стало брезжить. Я въ отчаяніи. Гансъ попадется, а тогда подпадутъ подъ подозрѣнія и хозяева Бернвальда. На мою совѣсть ляжетъ гибель трехъ людей, помогшихъ мнѣ въ такую тяжелую минуту.

— Кауфманъ, долой все, что можно, съ аэроплана. Снимайте инструменты, бомбометатель, пулеметъ; что не подастся, разбейте молотомъ. Бросайте въ воду, чтобы не осталось слѣдовъ.

Аэропланъ повернули къ самому берегу. Работа закипѣла. Полетѣли въ воду акероиды, барометры и т. п. Высоко взметнулись брызги, когда мы бросили въ озеро тяжелый пулеметъ.

Бѣдный мой 307! Послѣ 12 часовъ похода ты обезоруженъ.

Однако, раздумывать нѣкогда.

Въ гондолѣ пусто. Остались два-три необходимыхъ измѣрителя, сидѣнье и руль. Чисто!

Мы готовы къ отлету. 3 ч. 50 м. Пора, пора, давно пора!

Я надѣваю авіаторскій шлемъ, поправляю очки и берусь за руль. Кауфманъ еще съ полминуты возится съ хвостомъ, запутавшимся въ мелкой сосновой поросли, и я пускаю моторъ.

Жутко! А вдругъ застопоритъ пропеллеръ...

Нѣтъ, завертѣлся-таки! Считаю обороты. Счетчикъ показываетъ 1100... 1115... 1120... Кауфманъ привязалъ хвостъ къ дереву. Веревка туго натянута и дрожитъ, какъ стрѣла. Онъ лежитъ на крылѣ съ ножомъ въ рукѣ, готовый перерѣзать по моему сигналу.

Я поднимаю руку. Кауфманъ рѣзанулъ веревку. И аэропланъ ринулся по полянѣ. Два-три прыжка по кочкамъ и мы взлетѣли кверху... Моторъ работаетъ ровно, но намокшій аппаратъ летитъ тяжело... Переберемся ли мы черезъ озеро?..

Одно мгновеніе мнѣ кажется, что мы падаемъ. Но вотъ и берегъ. Еще бѣда! Намъ никогда не перелетѣть черезъ

эти сосны! Аппаратъ не забираетъ вверхъ. Я ужъ думаю, что налечу на деревья, какъ вдругъ вижу просвѣтъ, просѣку и направляю аэропланъ въ эту спасительную брешь въ темной зубчатой стѣнѣ лѣса. Перелетѣли. Выбрались.

За лѣсомъ стало легче. Туманъ порѣдѣлъ. Теперь можно даже поблагодарить судьбу за то, что туманъ былъ такъ непроницаемо густъ надъ Вальдекскимъ озеромъ. Никто не могъ замѣтить нашего отлета.

XV. Взрывъ желѣзнодорожнаго моста.

Мы летимъ прямо къ мѣсту. Я узнаю мѣста, надъ которыми мы пролетаемъ. На востокѣ я вижу широкую серебристую ленту, сверкающую подъ лучами восходящаго солнца. Рейнъ!

Но вотъ подъ нами и желѣзнодорожная линія. Вокзалъ. Эгельсхордтская вѣтка и мостъ, подъ которымъ уже заложенъ, конечно, пироксилинъ. Я вижу черныя фигуры часовыхъ у обоихъ концовъ моста.

4 часа. Я начинаю кружить надъ мостомъ. Часовые, вижу, встрепенулись. Черныя фигурки задвигались. Вспышки, свистъ пуль. Стрѣляютъ по аэроплану. Великолѣпно. Теперь имъ не до моста. Ганса никто не замѣтитъ. Я рискую еще разъ своими крыльями и опускаюсь на 300 метровъ. Пули засвистѣли еще чаще. Темная фигура сползаетъ подъ откосъ и исчезаетъ въ кустахъ. Это — Гансъ.

4 ч. 16 м... 4 ч. 17 м... Что же это? Не сумѣлъ онъ заложить шашки, съ шнуромъ не справился... но вотъ дрогнула земля и дрогнулъ воздухъ. Я съ трудомъ справился съ аппаратомъ, чуть не опрокинувшимся налѣво отъ волны взрыва.

Мостъ взлетѣлъ на воздухъ. Я рѣшаю подкрѣпить свою связь со взрывомъ и, чтобы окончательно отвратить подозрѣніе отъ моихъ милыхъ эльзасцевъ, сбрасываю три свинцовыхъ карточки съ надписью: «Лейтенантъ Сенъ-Бри, летчикъ аэроплана 307». Ниже пишу: «за убитыхъ въ Нанси!»

Ну теперь никому не придетъ въ голову, что мостъ взорванъ не мной и не бомбой, брошенной съ аэроплана.

Мы поднимаемся выше и совершенно выходимъ изъ полосы тумана. Солнце ярко свѣтитъ, согрѣваетъ насъ и сушитъ крылья аппарата.

XVI. Домой! Германская мобилизація замедлена.

Вокзалъ Бенсдорфъ. 6 час. 5 мин... Уже больше часа какъ мы вылетѣли съ мѣста нашей невольной стоянки. Солнце высушило крылья. Но мы летимъ слишкомъ медленно. Въ долинѣ Саара насъ захватилъ боковой вѣтеръ и замедляетъ нашъ полетъ. Всего 90 километровъ въ часъ. Я напрягаю зрѣніе, чтобы разсмотрѣть вдали пологія возвышенности французскаго Мозеля.

Отъ Бича мы летѣли прямо на Нанси вдоль желѣзной дороги. Что это, я обманываю себя или это правда? Мнѣ кажется, что количество поѣздовъ, идущихъ къ нашей границѣ, сильно уменьшилось, боюсь вѣрить, что это результатъ моей работы, что мнѣ удалось замедлить нѣмецкую мобилизацію. Однако, повидимому, это такъ.

Всѣ станціи, надъ которыми я пролетаю, почти безлюдны. Только въ Бенсдорфѣ, въ стратегическомъ узлѣ лотарингской сѣти желѣзныхъ дорогъ, замѣтно усиленное движеніе. На мой взглядъ — налицо всѣ признаки готовящагося сейчасъ наступленія. Дѣйствительно, на дорогахъ я почти уже не вижу войскъ. Всюду обозы; одни движутся, другіе стоятъ: обозы съ провіантомъ, артиллерійскіе парки, обозы, груженые ящиками съ патронами... Безъ конца обозы и обозы... У Бенсдорфа на большомъ открытомъ полѣ выстроилось нѣсколько сотенъ автомобилей. Я рѣдко видѣлъ болѣе внушительное зрѣлище.

А! Вотъ и нѣмецкія войска. Они движутся уже не въ походномъ построеніи; перестроились къ бою: идутъ пошелонно, а кое-гдѣ уже разсыпаннымъ строемъ. Теперь, куда ни кинешь взглядъ, всюду видны темныя пятна непріятельскихъ войскъ.

Меня охватываетъ бѣшенство... Ни одной бомбы, ни одной гранаты... Но я быстро успокоиваюсь. Что можно сдѣлать даже съ сотней бомбъ, летя надъ этимъ человѣческимъ моремъ?

Я напряженно смотрю вдаль, и скоро мое сердце забилось сильнѣе. Вдали за лѣсомъ, у Викъ-ла-Сейль, я различаю бѣлые клубы дыма. Это — наши. Это — наши орудія. Да, да, вонъ въ той сторонѣ, между Монселемъ и Арракуромъ показались черныя пятна, какъ бы плывущія съ большой дороги на Нанси. Это — наши батальоны стремятся навстрѣчу германскому нашествію. Вонъ разсыпаются цѣпи стрѣлковъ. Шумъ мотора уже не можетъ заглушить грохота пушечныхъ выстрѣловъ.

XVII. Сраженіе. Мой полетъ конченъ.

. . . . . Я узналъ позже, что нѣмцы готовили внезапное нападеніе, на которое очень разсчитывали. Въ дѣло были введены XX и XXI корпуса. Въ случаѣ удачи, они должны были прорваться къ Нанси, раздавить нашъ двадцатый корпусъ и захватить врасплохъ крѣпость. Но воздушная развѣдка во-время отмѣтила передвиженіе германскихъ войскъ, и вмѣсто неожиданнаго нападенія германцамъ предстояло теперь отражать стремительное наступленіе нашихъ войскъ.

Монсель. 7 ч. 30 м. утра. Со стороны Нанси подходитъ наша тяжелая артиллерія. Громадныя пушки тащутъ автомобили. Онѣ поспорятъ съ таинственными германскими тяжелыми орудіями, которыми насъ такъ усердно пугали. Но даже если нѣмецкая тяжелая артиллерія сильнѣе нашей—мы не дрогнемъ. Мы знаемъ, что понесемъ при этомъ лишнія потери, но не дрогнемъ. Не артиллерія даетъ побѣду, а непремѣнное рѣшеніе побѣдить или погибнуть. Эта рѣшимость живетъ въ душѣ каждаго нашего солдата... Надъ орудіями вьются аэропланы. Это артиллерійскіе летчики, которые будутъ во время боя слѣдить за стрѣльбой и передавать командиру батареи свои наблюденія, чтобы онъ могъ выправлять прицѣлъ.

. . . . . Вонъ уже съ минуту, какъ я замѣтилъ въ небѣ черныя точки, движущіяся со стороны Мозеля и Понтъ-а-Муссона. Онѣ быстро увеличиваются. Это — эскадра аэроплановъ. Чьихъ? Нашихъ или непріятельскихъ? Въ сторонѣ Сентъ-Авольда я замѣтилъ еще группу черныхъ точекъ. Сзади нихъ надвигается дирижабль. Цеппелинъ или Флерюсъ? Во всякомъ случаѣ, здѣсь можетъ

разыграться воздушный бой, первый въ исторіи человѣчества. Мой бѣдный 307 безоруженъ... Нѣтъ, лейтенантъ Сенъ-Бри, твоя миссія положительно закончена. Ты сдѣлалъ, что могъ. Теперь надо уступить мѣсто другимъ. Надо спуститься.

Высота — 1700 метровъ... Я спускаюсь спиральнымъ полетомъ. Шесть спиралей въ семь минутъ... Мой полетъ конченъ.

Мимо меня скачетъ штабный офицеръ. Увидѣвъ аэроплан, онъ осаживаетъ лошадь.

— Съ развѣдки? Есть что-нибудь новое?

— Нѣтъ, я сейчасъ вернулся послѣ особаго порученія. Мнѣ нужно немедленно разыскать генерала Серванса. Вы не знаете, гдѣ бы онъ могъ сейчасъ находиться?

— Генералъ Сервансъ? Знаю. Онъ сейчасъ на двѣсти семьдесятъ четвертой позиціи около Сорбевиля.

— Далеко отсюда?

— Нѣтъ, километра четыре. Надо направиться прямо въ эту сторону, — онъ рукой показываетъ направленіе, — тамъ вамъ укажутъ.

XVIII. Вы молодецъ, Сенъ-Бри!

Сорбевиль. 8 ч. утра.

307 плавно опускается на отмѣченное бѣлымъ значкомъ мѣсто спуска. Черезъ двѣ минуты я подхожу къ небольшому холму, на которомъ, какъ мнѣ указали, долженъ находиться генералъ. Конечно, вотъ онъ. Его высокая фигура выдѣляется изъ группы окружающихъ его офицеровъ.

— Ваше превосходительство, честь имѣю явиться.

Онъ смотритъ на меня широко раскрытыми глазами, какъ на призракъ.

— Вы, Сенъ-Бри?.. А мы уже думали, что вы погибли. Откуда вы сейчасъ?

— Изъ Гагенау, изъ Нижняго Эльзаса... — И я докладываю о моемъ полетѣ.

Генералъ слушаетъ. Молчитъ съ минуту, а затѣмъ говоритъ:

— Вы все это сдѣлали?! Вы знаете, что германская мобилизація, дѣйствительно, замедлилась? Слушайте, Сенъ-Бри, вы молодецъ.

И онъ обнимаетъ меня.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	Нападеніе нѣмцевъ.	3
II.	Я получаю приказъ летѣть въ Германію.	7
III.	Въ опасный путь!	11
IV.	Надъ границей.	14
V.	Я сбрасываю первыя бомбы. Мой аэропланъ поврежденъ.	16
VI.	Я взрываю вокзалъ въ Гомбургѣ.	20
VII.	Насъ обстрѣливаетъ артиллерія.	23
VIII.	Осталось только 15 литровъ бензина. Взрывъ тоннеля.	25
IX.	Вынужденный спускъ.	28
X.	Мы спасены.	30
XI.	У эльзасцевъ.	32
XII.	Бензинъ!!!	34
XIII.	Послѣдняя задача должна быть исполнена.	36
XIV.	Опять въ воздухѣ	38
XV.	Взрывъ желѣзнодорожнаго моста.	41
XVI.	Домой! Германская мобилизація замедлена.	42
XVII.	Сраженіе. Мой полетъ конченъ.	44
XVIII.	Вы молодецъ, Сенъ-Бри!	46

Цѣна 20 коп.